

Цзин Ли нервно теребил в пальцах соломинку — лишь те, кто знал его близко, вроде Нью Усе, могли понять, как сильно он сейчас волновался. Социофобия давала о себе знать: подойти к знакомой Юэ Ни уже требовало от него немалого мужества, а теперь предстояло уговорить совсем незнакомого человека. Сердце колотилось где-то в горле.

Был рабочий день, и в кофейне царило спокойствие.

— Раз, два, три... — считал Цзин Ли, не отрывая взгляда от входа.

На счёте «шесть» сердце уже готово было выпрыгнуть, он сглотнул.

Седьмой появился вскоре: сначала чёрные остроносые туфли, затем безупречно отглаженные серые брюки, рука в кармане, на запястье мелькнули дорогие часы Vacheron Constantin. Пиджак-тройка, широкие плечи, выступающий кадык... Взгляд Цзин Ли пополз вверх, пока не встретился с лицом вошедшего.

Оператор рядом тихо ахнул. Цзин Ли понимал: шанс встретить на улице человека со столь аристократичной внешностью, не уступающей звезде, был ничтожно мал.

Седьмой вошёл в зал и направился напрямиком к его столику. Острые носки туфель чётко остановились перед ним.

— Ты здесь программу снимаешь и даже не предупредил? Лэй Цзюнь случайно тебя заметил и сказал мне.

Первым делом Цзин Ли выключил камеру оператора, и лишь потом обернулся к гостю.

— Э Цзяо, уходи, — тихо сказал он.

— Цзин Ли, ты прогоняешь меня? — Э Цзяо приподнял бровь, не веря услышанному.

Голос его звучал негромко, но достаточно, чтобы несколько посетителей за соседними столиками обернулись на внезапный интерес.

Цзин Ли почувствовал, как лицо заливают краска, но нужно было сохранять спокойствие, делать вид, будто он не тот самый знаменитый Цзин Ли.

К счастью, скрываться ему приходилось не впервые. Любопытные, ничего не поняв, вскоре вернулись к своим чашкам и экранам.

Цзин Ли, всё ещё взволнованный, ухватил Э Цзяо за запястье и усадил напротив.

С тех пор как он оказался в мире людей, это был первый раз, когда Цзин Ли сам к нему прикоснулся. Э Цзяо растерялся от неожиданности и позволил усадить себя.

Первое удивление ещё не улеглось, как последовало второе.

Э Цзяо смотрел, как Цзин Ли наклоняется к нему, и ощутил лёгкий свежий аромат его кожи.

— Я на съёмках, камеры работают. Если тебя заснимут, будут проблемы. Уходи, я велю вырезать этот фрагмент.

Чтобы говорить тише, Цзин Ли приблизился почти вплотную — их дыхание смешалось. С высоты своего роста Э Цзяо видел, как из-под ворота футболки вытягивается белая, тонкая шея

Цзин Ли. Выглядело это... аппетитно.

— Какую программу снимаешь? — спросил Э Цзяо, не отрывая глаз от кадыка Цзин Ли. Взгляд его потемнел.

Оператора в группе Цзин Ли звали Сяо Лэ — его по знакомству нашла Нью Усе. В подобных шоу он работал не раз: съёмка и монтаж одинаково важны, один промах — и волна хейта не заставит себя ждать.

Едва Э Цзяо переступил порог, Сяо Лэ уловил необычную ауру. Решил побольше поснимать — такой видный «простой смертный» попадаетея редко, в эфире можно будет раскрутить тему «самого красивого прохожего».

Но оказалось, что этот «прохожий» знаком с Цзин Ли. Более того — между ними витало что-то странное.

Если бы Сяо Лэ попросили описать это одним словом, он бы сказал: двусмысленность.

Цзин Ли и Э Цзяо говорили шёпотом, спиной к камере, поэтому оператор видел лишь половину лица Цзин Ли. А перед ним разворачивалась картина: парень в спортивном костюме почти целиком скрылся в груди мужчины в безупречном пиджаке.

Сяо Лэ поклялся про себя: даже если этот кадр не выйдет в эфир, он сохранит его для себя. Словно съёмка для глянца, а взгляд мужчины в костюме придавал сцене такую сексуальную напряжённость, что, казалось, в воздухе искрятся молекулы влечения.

Цзин Ли, повёрнутый спиной, не видел жадного взгляда оператора. Он ломал голову, как объяснить ситуацию Э Цзяо. Из прошлых встреч он знал: тот не только выражается как древний, но и мыслит соответственно.

Подумав, Цзин Ли решил объяснить коротко:

— Снимаю шоу, где нужно найти не-знаменитость для совместного выступления. По правилам, мой напарник — седьмой человек, который войдёт в кофейню после меня.

— И кто же? — спросил Э Цзяо.

— Что?

— Кто седьмой?

Цзин Ли запнулся. Э Цзяо, кажется, уловил его мысль и усмехнулся:

— Если я не ошибаюсь, это я?

Раз уж догадались, скрывать бессмысленно. Цзин Ли кивнул и серьёзно посмотрел на Э Цзяо:

— Оператор сейчас за моей спиной. Знаю, тебе не нужна такая публичность. Я договорюсь с продюсерами — можешь просто уйти.

К его удивлению, Э Цзяо не встал. Наоборот — откинулся на спинку стула, лениво протянул руку и помахал Сяо Лэ.

— Ошибся. Участвовать хочу.

Не дав Цзин Ли опомниться, Э Цзяо поднялся, застегнул пиджак и протянул ладонь с непривычно учтивой улыбкой:

— Приятно работать.

— Руку, руку жми, — зашептал сзади Сяо Лэ.

Цзин Ли, скрепя сердце, пожал протянутую руку.

— Уже снимаем? Дайте пару минут — нужно секретарю насчёт графика позвонить.

Цзин Ли втайне надеялся, что совет директоров запретит Э Цзяо сниматься. Но его «карма удачливца» на этот раз не сработала: звонок занял всего две минуты, будто у СЕО крупной корпорации и правда не было дел важнее.

Впрочем, учитывая «особенности» Э Цзяо, это не казалось удивительным.

Когда Цзин Ли вернулся на съёмочную площадку с долговязым Э Цзяо в дорогом костюме, прошёл всего час с начала записи. Их дуэт пришёл первым.

Первой подбежала Ню Усе. Окружающие восхищённо ахали, глядя, как они идут рядом, — но у неё сердце едва не остановилось. На мгновение ей показалось, что они сейчас объявят о своих отношениях на всю страну.

Ню Усе схватила Цзин Ли за руку и оттащила за пределы кадра. Э Цзяо нахмурился, увидев её хватку, но в следующую секунду его окружила съёмочная группа, и он мог лишь смотреть, как Цзин Ли уводят.

В углу Ню Усе упёрла руки в бока:

— Ты с ума сошёл? Зачем привёл своего парня?

— Он не мой парень, — в энный раз попытался объяснить Цзин Ли.

Ню Усе резко взмахнула рукой:

— Я тоже была молода и влюблена, понимаю — хочется быть вместе каждую секунду. Но ты — звезда. Любой намёк, даже пустой, раздуют в скандал, а у вас всё взаправду! Ваши взгляды, эта химия... искры летят! Ты думаешь, зрители слепые?

Цзин Ли чувствовал себя побеждённым. Оставалось лишь утешаться мыслью, что правда рано или поздно всплывёт.

— Между мной и Э Цзяо ничего нет. Увидишь сама, когда посмотришь материал.

В итоге они договорились: на камеру — ни намёка на близость, об отношениях — ни слова. Никаких проявлений чувств.

Цзин Ли впервые почувствовал, каково это — быть вынужденным оправдываться за то, чего нет. Он надеялся, что мучения на этом закончатся. Как же он заблуждался.